

18+

Бумажные
крылья

Ирина Мельникова

Ирина Мельникова

Бумажные крылья

«Издательские решения»

Мельникова И.

Бумажные крылья / И. Мельникова — «Издательские решения»,

Кажется, они — полные противоположности. Полина выросла в хорошей семье, любит учиться и на первом курсе встретила двух своих лучших подруг. У её однокурсницы Ани всё совершенно иначе: родители переехали в Турцию, ещё ребёнком оставив её на попечение бабушки. С тех пор она разучилась доверять людям, зато умеет привлекать парней своей внешностью и лёгким флиртом. Всех, кроме одного, который почему-то влюбился в тихоню Полину. И он — не единственная причина, которая делает девушек соперницами...

© Мельникова И.

© Издательские решения

Содержание

Полина	6
Аня	11
Полина	14
Аня	17
Полина	19
Аня	24
Полина	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Бумажные крылья

Ирина Мельникова

© Ирина Мельникова, 2026

ISBN 978-5-0071-0447-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Полина

В этом году весна не спешила. Так хотелось тепла и солнца, но вместо них — мокрый подтаявший снег, серыми редкими кучами лежавший то здесь, то там, совершенно невзрачные и будто поникшие, окончательно потерявшие последнюю надежду, деревья, нахохленные воробьи, не желавшие попусту тратить силы, сидели на ветках, не издавая ни звука и лениво поглядывая за передвижениями таких же унылых прохожих, одетых в серо-чёрно-коричневой гамме. Назло обстоятельствам, словно предчувствуя, что будет именно так, прошлой осенью Полина купила яркий жёлтый пуховик — чтобы выделяться среди прочей массы.

Выделяться — это не то, что она могла бы сказать о себе год назад, когда заканчивала школу и с ужасом ждала предстоящих экзаменов, но в то же время предвкушала начало совершенно новой жизни. Перемены её не пугали: она точно знала, куда будет поступать и постоянно учила предметы, которые нужно было сдать как можно лучше, чтобы получить баллы выше и оказаться на столь желанном бюджетном месте. Это стало её целью в последние два школьных года, после того, как она ощутила себя изгоем и уже никогда не смогла доверять тем, кто рядом.

Вспоминать об этом Полина не любила, но не могла не отметить, что эта ситуация многому её научила — она перестала слепо восхищаться каждым встречным и верить, что все слова, которые произносят люди — это правда. Поняла, что тот, кто вчера называл себя другом, сегодня может первым от тебя отвернуться. Наверное, именно в этот момент она по-настоящему выросла.

Это внутреннее противостояние с целым миром, которым стал для неё круг одноклассников, оказалось трамплином. К ней постоянно цеплялись — она научилась спокойствию и равнодушию. Ей не на кого было положиться, чтобы спросить или списать — она учила всё досконально, чтобы не подвести саму себя. И, действительно, получила хорошие баллы и поступила на ту специальность, которую для себя и наметила. На выпускной не пошла и, получив аттестат, выдохнула с облегчением, навсегда закрывая для себя школьную дверь.

Осенний яркий пуховик стал неким вызовом самой себе и всему обществу. Ей больше не хотелось быть «серой мышкой», ведь новая ступень в жизни, новые люди вокруг — это чистая страница в жизни. Она охотно давала списать, чем пользовались многие лентяи, всегда ответственно готовилась к парам и почти каллиграфическим почерком выполняла задания к семинарам. Её любили педагоги и уважали однокурсники, а чтобы были деньги на то, что хочется, устроилась флористом в цветочный магазин. Со стилем и вкусом у неё всегда всё было отлично. И хотя управляющая сомневалась в способностях юной девушки, закрыть вакансию требовалось срочно, а потому Полину взяли на испытательный срок — да так и оставили, удивившись, что она быстро учится и отлично справляется, к тому же любезна с клиентами и собирает хорошие отзывы, а порой и чаевые.

Всё складывалось именно так, как она и мечтала... Кроме любви. Конечно, был тот, с которым хотелось быть рядом, и даже учился он с ней в одной группе, вот только к Полине был холоден. И имя её безответной любви было Даня.

Даня был лучшим во всём. Занимался танцами, участвовал в студенческой самодеятельности, ходил в спортзал, увлекался футболом, был душой компании. И это не считая привлекательной внешности, которая, на вкус Полины, была безупречной: чуть удлинённые тёмные вьющиеся волосы, милый, немного вздёрнутый нос, улыбающиеся глаза, ямочка на левой щеке, длинные пальцы и сильные руки.

Разумеется, Полина была не единственной, кто отметил про себя все преимущества этого парня, и на переменах между парами он никогда не скучал — стоял в компании, общался с кем-то в кафе, убегал на репетицию очередного концерта к празднику... Она никогда не видела его

в одиночестве, скучающим или уткнувшимся в телефон. Впрочем, ей тоже было грех жаловаться, поскольку в первые же дни учебы она успела обзавестись сразу двумя подругами, что создавало лишь одну трудность: в тех аудиториях, где были парты, а не длинные столы, одной из них приходилось отсаживаться.

Приближаясь к зданию университета, Полина наострила внимание: вдруг увидит объект своего воздыхания? Но увы, когда сильно ждёшь, обычно желаемого не получаешь. У входа кучковалось всего несколько человек — погода не располагала к долгому пребыванию на свежем воздухе, да и внутри у кафетерия на первом этаже Даниил Величков не был замечен. Конечно, у девушки было преимущество: они учились в одной группе и часто пересекались, вот только на лекциях он обычно сидел позади, так что наблюдать за ним было не очень удобно, а семинары порой пропускал из-за повышенного спроса к себе во внеучебной деятельности, чему не все педагоги были рады, но и с теми, кто не проявлял снисходительности, парень находил общий язык и, подучив предмет, включив обаяние, ловко сдавал все зачёты и экзамены. Этот трюк не подвёл его в первом семестре, что давало уверенности и в том, что летом всё повторится.

Несмотря на то, что до начала пары оставалось всего пять минут, аудитория оказалась полупустой. Во-первых, слишком большое помещение для одной группы студентов в двадцать пять человек. Во-вторых, собрались далеко не все. Как часто случалось, первая пара давалась молодёжи с трудом — кто-то приходил с опозданием, ссылаясь на то, что проспал или ругая общественный транспорт, который ходит нерегулярно, другие и вовсе подтягивались лишь ко второму занятию. Зато подруги Полины были на месте.

Первой её заметила Оля и, привстав со своего места, потянулась за приветственными объятиями. Она была невысокой блондинкой, вполне привлекательной, но не классической красавицей, а скорее просто милой.

— Привет, Полли, — привычно поприветствовала Марина, тем же жестом встречая Полину. Она была полной противоположностью Оли: жгучей брюнеткой, высокого роста, не слишком фигуристой, что нисколько не влияло на её самооценку. Ещё в школе Марина научилась давать сдачи обидчикам: как в прямом, так и в переносном смысле. Её с первого класса дразнили язвительными словечками — и за внешность, и за фамилию. Манукян — звучало странно и непривычно. А детям только дай повод зацепиться за что-то, чем ты отличаешься. Но Марина не дала сделать из себя жертву, быстро поставила себя в обществе так, как надо (хотя и не уточняла, как именно), завоевала авторитет, и травли в классе в её адрес больше не было. Других она тоже обижать не давала. А если появлялся кто-то извне, кто не знал ещё правил или её характера, Марина быстро расставляла все точки над «и» — быть жёсткой она умела, и словами пользовалась так, что физической силы было не нужно.

Девчонки обменивались последними новостями — в основном сплетнями о шоу-бизнесе, прочитанными недавно в телеграмм-каналах, когда в поле зрения Полины появился Даня. Она заметила его краешком глаза и сразу внутренне сжалась, ощутив тугой узел где-то в желудке. Девчонки о её любви знали, даже давали советы, как подступить, но не давили. Полина знала про их позицию: обе считали, что он не слишком достойный партнёр для неё — чересчур легкомысленный и легковесный.

— Он как бабочка: то тут, то там, и девчонки ему нужны несерьёзные. А ты у нас не такая, — объясняла Марина.

Полина смеялась: уж если этот принц недостоин её, где ж тогда искать ещё лучше? Хотя внутри было больно. Она-то перед сном уже выращивала с ним цветы на подоконнике в общей квартире и выгуливала собаку по вечерам — породу ещё не выбрала, но это было не так уж важно.

Даня обо всём этом, конечно, не знал, поэтому даже не посмотрел в её сторону, прошептав в другой конец аудитории.

Полина не стала акцентировать на этом внимание и сделала вид, что продолжает слушать Олю, которая описывала фильм, что вчера перед сном успела посмотреть, но не оценила по достоинству, как это сделали критики и общественность, восхвалявшие актеров и спецэффекты.

— Сценарий слабый — бред шестиклассницы. И вот говорит он ей о своих чувствах, а у него прямо в глазах читается, что на уме: скорее бы бургер пойти схомячить.

Полина с Мариной синхронно засмеялись, поскольку Оля умела резко, но при этом весьма образно высказаться на любую тему.

Вместе со звонком, известившим о начале занятий, в класс ввалилась добрая часть одноклассников, а буквально через полминуты появилась и преподаватель.

Юлию Александровну студенты не любили. Молодая, около тридцати лет, она сумела поставить себя так, что её боялись — видимо, в этом, по её мнению, проявлялось уважение к педагогу. Смотрела строго, волосы всегда собирала в идеально гладкий хвост на затылке, никогда не улыбалась, спрашивала без поблажек и безжалостно ставила самые низкие оценки и «незачёт», если чувствовала слабинку. Обычно этим отличались педагоги постарше, да и тех было мало — те самые мэтры, что преподавали тут ещё в те времена, когда Гагарин в космос летал. А тут — неслыханное дело — та, что сама ещё меньше десяти лет была на месте студентов, теперь вместо сочувствия проявляла такое жестокосердие. За глаза её называли разными острыми словечками, самым безобидным из которых было Грымза, о чём Юлия Александровна не знала, а если и знала, то делала вид, что ей всё равно — власть-то была в её руках.

Вот и в этот раз, стоило ей войти в аудиторию, все сразу примолкли, зашуршали листы тетради — и не зря. Она то внезапную устраивала проверочную работу, убедившись, чтобы на парте у каждого были только листок бумаги и ручка, то по списку всех подряд вызывала к доске и опрашивала, устраивая публичную порку... В этот раз, отметив отсутствующих, потребовала открыть тетради с выполненным домашним заданием, а сама начала методично проходить ряд за рядом и проверять наличие записей.

— Как в начальной школе, ей-Богу, — шёпотом возмутилась Марина, закатывая глаза, но послушно открыла свою тетрадь.

Подруги давно усвоили, что с Грымзой лучше не связываться и подходить к предмету ответственно — так жить спокойнее. Вот только большинство одноклассников этому правилу не внимали и раз за разом надеялись, что пронесёт, а потому прямо с утра Юлия Александровна успела наклепать большей части их группы «двойки». Публично роптать никто не стал — себе дороже. Но, как только закончилась пара и Грымза ушла, со своего места поднялась Аня Фомина и, закрыв дверь изнутри, встала на проходе, никого не пуская.

— Минутку, товарищи. Я понимаю, что перемена — это святое, но с этим надо что-то делать.

— С чем? — хмыкнул кто-то из парней с задней парты.

Часть ребят толпилась поближе к двери, другие расселись обратно. По кислым лицам было понятно: в то, что можно «что-то сделать», мало кому верилось.

— С этим беспределом. Я одна замечаю, что её унижения уже переходят все границы? Или вам это нравится? А впереди зачёт — кто-то из вас хочет на пересдачу ходить три раза? Ей даже взятку не дашь — принципиальная.

Полина молчала и хмурилась. С одной стороны, она понимала и разделяла чувства Фоминой, поскольку хлопот предмет, который преподавала Юлия Александровна, доставлял немало. С другой, педагог имеет право требовать знаний от студентов. И всё же перегиб был налицо. Вот только какой тут может быть выход? Впереди зачёт — и надо учить. К тому же с Юлией Александровной, согласно учебному плану, им ещё весь следующий год идти нога в ногу.

Словно прочитав её мысли, Аня продолжила:

— Нам ещё весь следующий год её терпеть. Из-за одного тупого зачёта исключат из института — кто-то готов на такое?

Она с вызовом осмотрела присутствующих и, не встретив сопротивления, уверенно продолжила:

— Тогда нам надо держаться вместе и действовать.

— У тебя есть какой-то план, Фомина? Или к чему это сотрясание воздуха? — раздался всё тот же ленивый голос с галерки.

На этот раз Полина явственно идентифицировала его обладателя — равнодушного ко всему Илью Зайцева, которому что зачёт, что незачёт — он знал, что с пятой попытки всё равно сдаст, а угрозы и увещания кого бы то ни было на него не действовали.

— Есть. С этого дня мы будем бастовать против Грымзы. На все её требования — полный игнор. Ни к доске выходить, ни на вопросы отвечать, ни задания выполнять мы не будем. Никто из нас. Это ясно?

Ответом ей послужило молчание. Все были в шоке и пока не знали, как реагировать. Да и вызывать огонь на себя и протестовать первым каждый опасался. Казалось, сам воздух в аудитории в эту минуту был раскалён.

— Вот и договорились, — подвела черту Фомина, открывая дверь и отступая.

Студенты ленивой рекой потекли прочь, всё ещё молча переваривая услышанное и не понимая, «за» они или «против».

Перед тем, как идти на следующую пару, Полина с подругами заскочили в уборную. Там, на счастье, никого не было, так что девчонки тут же принялись обсуждать горячую тему.

— Что вы думаете по поводу идеи Фоминой?

Полина пожала плечами, а Марина заявила:

— Не знаю. А что это даст? Подростковый бунт. Зачёт-то ей сдавать всё равно придётся, и вот тогда она всё нам припомнит — оторвется по полной.

— А если все её поддержат? Я имею в виду Фомину, — задумчиво высказалась Оля.

— Будем действовать по обстоятельствам, — решила Марина, хватая свою сумку и первой направляясь к двери. — Пойдёмте, а то на пару опоздаем.

На второе занятие пришли не все. Видимо, часть студентов, не оправившись от пережитого шока, ушла «залечивать раны». В целом семинар прошёл спокойно, как и третья пара — скучная лекция, на которой Полина с подругами по большей части скролили ленту социальных сетей или читали книги в телефоне, лениво переговариваясь время от времени.

На вторую часть дня у девушки были куда более впечатляющие планы. Звучали они, конечно, скучно — «работа», вот только она знала точно: её ждут несколько заказов, в которых можно проявить фантазию — создать цветочную композицию по своему вкусу, учитывая лишь цветовую гамму, если её указали, и не забывая уложиться в бюджет, обозначенный заказчиком. За этим занятием она не замечала, как пролетает время, и пусть работала не полную смену, а всего пять часов — это было большим наслаждением. Хуже, когда нет заказов, но тогда бывают поставки, ещё цветам нужен уход, так что скучать всё равно было некогда.

— Может, в кафе, а? — предложила Марина после того, как они покинули аудиторию после последней на сегодня пары.

— Не, девчонки, мне на работу надо, — отказалась Полина, поправляя на плече ремешок своей сумочки.

— А я с мамой обещала по магазинам пройтись. У неё скоро командировка, нужен новый солидный костюм, — отозвалась Оля.

— Эх, ладно, — без особой грусти махнула рукой Марина. — Найду чем заняться и без вас.

Это могло бы прозвучать оскорбительно, если бы девчонки не знали друг друга, а так все отлично понимали — это лишь безобидная шутка. Обнявшись на прощание, они разошлись

в разные стороны: Оля на остановку направо, Марине нужно было в противоположную сторону, а Полина и вовсе пошла пешком: до цветочного всего пара кварталов, да и времени ещё предостаточно. По дороге свернула в булочную, купила свежий, тёплый ещё круассан и капучино в картонном стаканчике, присела за стойку к окну и с удовольствием перекусывая, позволила себе целых десять минут покоя. Ей всегда нравилось наблюдать за людьми — особенно так, из укрытия, когда ты незаметен, а сам всех отлично видишь. Мимо прошли несколько одноклассников, не замечая её. Прodefилировала и Фомина в гордом одиночестве, отстукивая каблучками по мокрому асфальту. Полина надеялась, что увидит и Даню, но он сегодня был неуловим.

Завершив свою трапезу, подкрасила губы и неспеша отправилась к месту работы. Там её уже ждали. Пусть восьмое марта — самый безумный день — остался позади, праздники вроде свадеб и дней рождения никто не отменял, а потому работать нужно было быстро и чётко. С этим она отлично справлялась, за что руководство её и ценило.

— Полин, смотри, какие розы шикарные привезли. А па-а-ахнут, — протянула коллега Виктория, с которой они, несмотря на разницу в возрасте в пятнадцать лет, отлично ладили.

Полина послушно вдохнула аромат и живо придумала, куда их пристроить. Не все конечно, а пару штук. В сочетании с альстромерией будет очень красиво.

— А еще анемоны, смотри...

И работа закипела.

Аня

Аня долго придирчиво рассматривала себя в зеркале. Светлые волосы, окрашенные, конечно, зато выглядят дорого и ухоженно. Новая блузка сдержанного цвета топлёного молока. Аккуратный макияж, идеальные стрелки. Юбка-карандаш подчёркивает и красоту талии, и округлости фигуры в нужных местах, и стройные ноги — ну всё при ней. Тогда остаётся вопрос: что ещё нужно этим парням? И ведь не принц ей нужен, вовсе нет. Тогда бы всё было хотя бы объяснимо: к принцам всегда несусветная очередь, выбор у них большой, вкус изощренный — не угодишь. А ей — вот незадача — приглянулся однокурсник, который как будто бы сам по себе. Ни в компаниях он не замечен, ни на тусовки не ходит, и даже в диалог вступает как будто бы неохотно: Аня пару раз пробовала завязать с ним беседу — вроде как в дружеском тоне, просто потому, что учатся вместе, — а он особо не проявил себя. Вежливо отвечал, но сам ничего не спрашивал. Станный какой-то. Но оттого не менее манящий. Аня сдаваться не привыкла, и потому продумывала новый план оболыщения. Может, подкормить его чем? Не приворотным зельем, конечно, а блинами или какими-нибудь пирожками. Говорят же, что путь к сердцу мужчины лежит через его желудок. Сама она готовить не очень умеет, но можно попросить помочь бабушку. И даже причину объяснять ей не обязательно. Скажет, что хочет угостить однокурсников. Вот только как сделать так, чтобы Вова догадался, что это знак внимания, а все другие не придали значения? А то накинутся на её угощение или, чего доброго, начнут посмеиваться над её влюбленностью — этого только не хватало!

Аня держалась позиции стойкого оловянного солдатика — всегда, с самого детства. «Никому нельзя показывать своих слёз — заметят твою слабость и будут пинать всю жизнь», — так говорил её папа, и Аня запомнила. Это было одним из немногих воспоминаний, связанных с родителями. Тогда ей было шесть или семь, и родители повели её в парк, где разрешили кататься на любых аттракционах и купили аж три мороженных. Конечно, она была очень счастлива. А потом оказалось, что это был просто прощальный подарок — мама и папа уезжали на заработки за границу и хотели напоследок порадовать дочь. С тех пор Аня терпеть не могла мороженое и аттракционы — они оставили горький осадок и ассоциировались с предательством. Именно так она и ощущала отъезд самых близких людей, которые оставили её с бабушкой, не приходили на утренники в начальной школе, не обнимали на выпускном и перед экзаменами, лишь забирали на лето и сами приезжали на пару недель раз в году, что было ничтожно мало. Аня надеялась, что после того, как она закончит школу, её наконец заберут к себе, но этого не случилось. Среди «отмазок» звучали фразы о том, что у них нет своей квартиры, а съёмная слишком мала, что без образования делать там нечего, а поступить очень сложно. В общем, пришлось поступать в родном городе. Жизнь осталась практически прежней, отчего раздражала. А тут ещё эта нелепая влюбленность в того, кто совершенно ей не интересуется! И почему нельзя было выбрать кого-то другого, вон сколько парней с ней пытаются познакомиться практически каждую неделю! Ах, глупое сердце!

Она встала с утра пораньше: сделала стрелки, причёску, долго скульптурно работала над макияжем — сегодня предстояла особая миссия. Аня не любила долго ждать и сама легко проявляла инициативу. Вот и решила подойти к Вове и, не стесняясь, пригласить его в кино. Она не сомневалась, что это сработает. Вряд ли парень был избалован женским вниманием, тем более отказывать симпатичной девушке было бы грубо.

На пару она приходила обычно впритык: ни к чему терять время, ожидая начала занятий, повторяя записанное в тетрадках или обмениваясь сплетнями с однокурсницами. За год учёбы Аня так толком ни с кем и не подружилась — не видела смысла и не доверяла девчонкам — ей всегда, с самого детства, было веселее с ребятами. Чтобы не пропустить появление объекта

своей симпатии, устроилась у подоконника на первом этаже рядом с кофейным автоматом. Взяла капучино — спать хотелось ужасно, а выглядеть нужно было отлично: энергично и ярко.

Вова не подвёл — появился за пару минут до начала занятий, один. Решительным шагом двинулся к лестнице, в то время как часть одноклассников предпочитала добираться до аудитории на третьем этаже лифтом. Ане это было лишь на руку. Невзирая на каблуки, она бодро засеменила следом, окликая парня:

— Красников! Вова!

Он обернулся и остановился, поправив рюкзак на плече, который небрежно висел на одной лямке. Аня сама удивлялась, чем он её зацепил, этот парень: обычные джинсы и чуть примятая коричневая с горчицным рубашка в клетку, растрепавшиеся русые волосы... А сердце, едва они встретились взглядами, припустило галопом.

— Привет!

— Привет, — лениво ответил он и, когда они поравнялись, снова двинулся в путь, но не слишком резко — так, чтобы Аня за ним поспевала.

— Как спалось?

— Тебе правда это интересно? — с недоверием взглянул на неё Красников, приподняв одну бровь.

«Если его чуть подстричь, помоднее — будет совсем красавчик. Высокий, широкоплечий, ресницы какие длиннющие», — успела отметить про себя девушка, и ответила с застенчивой улыбкой:

— Ну да.

— Нормально спалось, — буркнул он, не задав ей встречного вопроса.

— А ты в кино давно был? — не теряя времени, ринулась она в атаку.

— Не помню уже, давно.

— А хочешь сходить? Мне подруга рекомендовала классный фильм, идёт сейчас в кино-театре, одной идти скучно, ищу компанию.

Аня совершенно бесхитростно захлопала ресницами, изобразив святую простоту, на которую всегда мгновенно клевали мужчины. Вот только не учла одного — те мужчины были в ней заинтересованы, хотя бы на капельку, а у Вовы, похоже, совсем никакой романтики на уме не было.

— Некогда мне в кино ходить, извини.

— Неужели полтора часика не найдётся? Ни сегодня, ни завтра, ни в выходной?

— Я работаю, Аня. А когда не работаю — сплю. Или учусь.

— Так ведь пройдут все лучшие годы, и нечего будет вспомнить, — продолжала она гнуть своё с умиленным видом, хотя внутри уже начала закипать.

В её мечтах это он её должен был так добиваться, а она бы ещё подумала, заставила его помучаться, опоздала бы минут на пятнадцать, чтобы он дёргался и гадал: придёт или нет. Но пока всё шло совсем не по плану. И, мало того, что Вова не стремился её завоевывать, он ещё и упорно отказывал ей!

— Вон Величков идёт, ему предложи, — кивнул в сторону парень, проигнорировав последнее её замечание о лучших годах.

Они как раз поднялись на третий этаж и почти сразу упёрлись в двери аудитории, где, ожидая звонка, толпился народ.

— Я подумаю, — язвительно сообщила Аня, ускоряя шаг, чтобы успеть оторваться от своего спутника и гордо войти в аудиторию в одиночестве. А так хотелось, чтобы они вошли вместе, мило посмеиваясь над какой-нибудь понятной обоим шуткой.

На её кипящее внутри негодование наложилась и очередная выходка Грымзы, так что копившееся отчаяние вылилось в бунт и протест в её адрес. Одноклассники явно были в шоке, но никто не посмел возразить, и Аня с воинственным видом первая покинула аудиторию,

твёрдо намереваясь довести озвученное до конца. Вот только всё пошло не по плану. И снова всё из-за Красникова.

Полина

Очередного занятия с Юлией Александровной — она же Грымза — Полина ждала с замиранием сердца. Ей не хотелось принимать ничью сторону, и вместе с тем что-то внутри отчетливо говорило, что избежать неприятностей и выдержать нейтралитет не удастся. Девчонки махнули рукой: «Будем действовать по обстоятельствам», а вот Полина импровизации не доверяла, ей было спокойнее, когда был какой-нибудь план, но увы...

Юлия Александровна пришла минуту в минуту, вместе со звонком, а вот Аня Фомина заявила пораньше и, обведя аудиторию решительным взглядом, замерла на месте и напомнила:

— С Грымзой не разговариваем, ясно? Что бы она ни спрашивала, даже если выгонять будет — просто молчим и делаем вид, что её нет.

С этими словами она уверенно села на своё место, громко шлепнув сумкой о стол и даже не собираясь, судя по всему, доставать канцелярские принадлежности. Полина судорожно сглотнула. Она не любила подобных ситуаций, и как поступать — не понимала. Конечно, одной против всех идти опасно, это она хорошо усвоила на своей шкуре — и вспоминать об этом совсем не хотелось, не говоря уж о том, чтобы прожить ещё раз.

Так и не решив, что делать, Полина увидела в дверях Юлию Александровну — строгую, как всегда, без улыбки на лице, размеренно шагающую к своему месту в начале аудитории — и вся сжалась, даже пригнувшись чуть ниже над партой, словно это могло спасти.

— Начинаем занятие. Тишина, — разнёсся по помещению голос преподавателя, и тишина действительно установилась. Правда, ненадолго.

В дверь отрывисто постучали, после чего в проёме появилась вихрастая голова Антона Осокина, который скороговоркой выпалил:

— Здрасьте, извините, можно войти?

— Нет, нельзя. В следующий раз не будешь опаздывать.

Он пару секунд смотрел на неё, изумленно моргнув, словно не верил, что за минуту опоздания и впрямь могут выгнать с занятия, а после закрыл дверь с той стороны и исчез.

— Все подготовились? — спросила Грымза, обводя студентов колючим взглядом исподлобья, словно пытаясь просчитать, кто тут «слабое звено». Ответом служила тишина, которая пока ещё мало о чем говорила. — Сейчас проверим. Фомина, иди к доске.

Зачинщице Ане первой выпало держать ответ, и все без исключения присутствующие взглянули на неё, словно от её поведения сейчас зависело, будут ли все студенты этой группы вести игру в молчанку или просто сделают вид, что ничего такого сказано не было.

Аня молчала. И с места не сдвинулась. Взгляда тоже не отводила — смотрела на Грымзу уверенно и даже как будто бы с вызовом. Полина мысленно вздохнула, понимая, что точно бы так не смогла. И ещё потому, что машина, увы, была запущена, и теперь деваться ей точно уже будет некуда.

— Мне долго ждать, Фомина? — теряла терпение педагог. — Или мы так и будем сверлить друг друга взглядами всю пару?

Ситуация не изменилась.

— Всё ясно, — выдохнула Юлия Александровна. — Уверенно идешь к «незачету», так держать. Зайцев.

Зайцев так смело в глаза смотреть не стал, но с места тоже не поднимался.

— Зайцев! — повысив голос, повторила Грымза, но толку по-прежнему было ноль. — Та-а-ак, — протянула она, уже начиная догадываться, что происходит. — Петров... Синицина...

Полина с ужасом ждала, когда на всю аудиторию прозвучит её фамилия. И это случилось. Первой, правда, «пострадала» за общее дело её подруга Марина Манукян — но она тоже

смотрела в сторону и молчала, делая вид, что её ничто не касается. А потом воздух разрезало громкое:

— Останина.

Грымза, кажется, уже и не ждала, что кто-то откликнется. Просто в хаотичном порядке перечисляла фамилии, выуживая их из журнала в одном только ей известном порядке, а после, выждав пять-десять секунд, ставила там отметку и называла новую «жертву».

— Останина, и ты тоже со всеми за компанию? Уж тебе бы мне точно не хотелось портить зачётку. Косвенные налоги — это что?

Она спросила это на выдохе, с сожалением, как будто уже и не верила в то, что дожждётся сегодня ответа.

И Полина с ужасом отрапортовала:

— Косвенный налог — это налог на товары и услуги, устанавливаемый в виде надбавки к цене или тарифу.

Кажется, по аудитории прокатился удивлённый или даже, скорее, шокированный вздох. У неё и самой побежали мурашки по коже. Никто не ожидал, что тихая Полина Останина пойдёт против всех — против установленного Фоминой бойкота. И что теперь будет?

— Слава Богу, хоть у кого-то совесть осталась. Илюшечкин. Тоже будешь молчать? Ладно. Королькова. Виды косвенных налогов?

Полина надеялась, что после её поступка — безбашенного, и, если прямо сказать, не вполне осознанного — подруга Оля поддержит и тоже ответит, но та словно воды в рот набрала.

Следующим был Даня, но и он молчал. Оставался последний — Вова Красников. Его фамилию Грымза произнесла на выдохе, уже заноса руку для того, чтобы и ему поставить «черную метку» в журнал, когда парень неожиданно подал голос и уверенно перечислил то, что требовалось.

Юлия Александровна удивлённо приподняла брови, а после удовлетворенно кивнула. Закрыла журнал, так и не поставив ничего напоследок, и, выдохнув, произнесла:

— Красников и Останина — спасибо за работу, у вас «автоматы». Остальных буду ждать на зачёт и советую всё же найти свой голос и совесть. Поблажек не будет.

С этими словами она встала с места и чётким шагом вышла из кабинета, хотя до конца занятия оставалось ещё больше часа.

— Ну и что теперь делать? — всплеснул руками со своего места Даня.

В любой другой момент Полина обрадовалась бы возможности взглянуть на него, но не теперь. Она ожидала расправы за свою дерзость.

— Останина, ты вообще одурела? — накинулась на неё Аня, вскакивая со своего места. — Из-за тебя теперь всем пять раз ходить на пересдачу.

— Ну ты бы тоже ответила, Фомина. Может, это как раз из-за тебя мы будем пять раз ходить, а? Не сработала идея? — подал голос Зайцев.

— Она бы сработала, если бы её поддержали все! А раз так: тогда бойкот мы объявим Останиной, ясно?

— И про меня не забудьте, — равнодушно протянул Вова, и все взгляды тут же устремились в его сторону. — Я же тоже нарушил запрет.

На всеобщее внимание ему, похоже, было плевать. Он неспеша убрал вещи в сумку, а после встал со своего места и направился к дверям.

— Каждый сам решает, как поступить: быть как все или делать то, что считает нужным. Мы с Останиной выбрали то, что нам показалось правильным.

— Вам показалось, — со злостью бросила ему в спину Аня, но это ничуть его не задело: Вова вышел, не желая больше вступать в диалог, и Фомина, схватив свою сумку и демонстрируя гнев и бессилие перед сложившейся ситуацией, последовала его примеру, громко хлопнув за собой дверью.

— Всё нормально будет, не обращай внимания на эту сумасшедшую, — постаралась подбодрить подругу Оля, мягко погладив её по плечу.

Вот только поддержка была весьма слабой.

Полина была уверена: Аня на этом не успокоится.

Аня

Аня была зла — очень зла. Её авторитет пошатнулся из-за того, что пара человек в группе её не поддержали, пошли против плана. И если Вове она готова была всё простить по понятным причинам, то спускать это с рук Останиной не собиралась. Нужно было дождаться момента, когда Полина со своими подружками будет отсутствовать, а остальные — большая часть одногруппников — соберётся в одном помещении, чтобы объявить всем свой новый план. Раз Останина не желала делать Грымзу изгоем, этим изгоем станет она.

Долго ждать не пришлось. Подружки, видимо, нашли укромное местечко, где можно «перетереть» произошедшее, и появились только со звонком, приглашающим на вторую пару. И это было весьма на руку Ане, которая снова захлопнула дверь изнутри и всем присутствующим объявила, что предателей нужно учить и с этой минуты с Останиной никто общаться не будет.

— А чего это ты раскомандовалась, Фомина? — подал голос с задней парты Зайцев, за что тут же получил ответный острый взгляд.

— А ты рад, да, Димочка? Теперь у неё «автомат», а ты будешь много раз ходить на пересдачу, и не факт, что всё завершится удачно. А если мы будем все вместе, Грымзу снимут с наших занятий. Неужели ты не понимаешь? А Останина — она поймёт, что ей всё сошло с рук — так и будет сама по себе, отдельно от коллектива. Если решили все — значит, все.

— Это ты так решила, — хмыкнул Зайцев.

— А тебе, значит, на свою успеваемость наплевать, да? Ну ладно. Делай как знаешь, — с деланно-равнодушным видом качнула головой Аня. — Только больше можешь ко мне не соваться, когда снова нужно будет списать экономику.

Зайцев примолк. Аргумент был железный — Фомина хоть и ворчала, а экономику списывать давала исправно, она в этой сфере отлично шарила.

— А мне, значит, тоже бойкот? — раздался ещё один голос с задних рядов.

Аня могла бы и не смотреть — и так знала, кто это. Вова.

— Если поддержишь коллектив на этот раз, тебе простим, — милостиво произнесла она, ничем не выдавая своё нервное состояние.

— Я считаю, всё должно быть по справедливости: если Останина теперь изгой, то и я должен быть в этом списке.

— А чего это ты туда так рвёшься? — Аня скрестила на груди руки и в упор посмотрела на него. — Она тебе нравится, что ли?

Сказала наугад, но от того, каким стало его лицо, и как он тут же примолк, неожиданно поняла, что попала в точку. И это ранило ещё сильнее.

Как?! Вова Красников, который отказал ей в походе в кино, предпочёл ботаничку Останину? В ней же нет ничего выдающегося! Ни фигуры, ни манер, да и её излишней любовью к образованию этот парень вряд ли мог бы соблазниться — сам Вова учился так, чтобы его не отчислили, но не слишком усердно, и уж точно не рвался на амбразуру — к красному диплому и прочим достижениям.

— В общем, так, ребята. Либо вы на моей стороне, либо вместе с Останиной, — не желая комментировать только что открывшийся ей неприятный факт, подвела черту Аня. — Но учтите, я всё запоминаю, и после не подходите ко мне с просьбами вас «прикрыть», списать, узнать расписание и задание. Всё понятно?

Воспользовавшись последним доступным ей средством воздействия — своим статусом старосты, которой часто преподаватели доверяли отмечать отсутствующих, не проверяя лично, чем и пользовались некоторые студенты, предварительно договорившись с Аней, — она села

на своё место, внутренне полыхая от гнева, но изо всех сил делая вид, что ей всё равно. Никто не узнает, как задето её самолюбие. Особенно Красников.

А Останину надо проучить. Обязательно надо!

Когда она вместе с подружками появилась в аудитории, Ане хватило одного короткого взгляда на них, чтобы разозлиться с пущей силой. Накручивая себя всё больше и больше, к концу пары она пришла к выводу, что хорошо бы вообще сделать так, чтобы она перевелась из их группы или даже из вуза. Но даже просто хорошей взбучки было бы достаточно. Вот только чем её зацепить так же сильно, как ранило саму Аню открытие о том, что избранный ею Вова предпочитает эту невзрачную моль? Этому исследованию Аня посвятила несколько дней и нашла уязвимое место Останиной — это был лучший способ для ответного шага с её стороны. Полина будет чувствовать ту же боль, что и сама Аня — теперь сомнений в этом не оставалось.

Полина

Всё пошло по худшему сценарию из возможных. В аудиторию на следующую пару Полина вошла осторожно, присматриваясь к одноклассникам и стараясь почувствовать атмосферу — ей было тревожно. И хотя она знала, что как в школе уже не будет, что здесь на её стороне точно будут хотя бы подруги, быть «против всех», хоть и вынужденно, ей совсем не хотелось.

— Не дёргайся, — заметила её состояние Марина. — Пусть посмеют тебя обидеть.

И всё же Полина решила проверить обстановку и обернулась к сидящей позади Лене:

— У тебя ручки нет?

Та сделала вид, что не услышала, и даже голову не подняла.

Тогда, пользуясь тем, что преподаватель ещё не пришел, Полина поднялась и спросила уже во всеуслышание:

— Ребят, есть у кого-нибудь запасная ручка?

Подруги смотрели на неё с изумлением, но не вступали в дискуссию. Полине не нужна была ручка, она всегда носила с собой ещё две запасные, но этот нехитрый фокус дал понять, что теперь она «в чёрном списке».

— Ясно, — коротко выдохнула девушка, усаживаясь обратно, и уже себе под нос, так, что слышали только подруги, пробормотала: — Что и следовало доказать.

— Пошли они в пень, Полин. Убиваться ещё из-за них, — приобняла её за плечи Марина, а Оля, хоть и сидела на парте перед ними, сочувственно улыбнулась, всем видом давая понять, что ей жаль. — Кто кому больше нужен: ты им или они тебе? Через пару дней все забудут.

— Я думала, в институте в такие игры уже не играют, — с горечью хмыкнула Полина.

— Эта Фомина — сумасшедшая. Мы с ней пообщаемся после пар, — тоном, не предвещающим ничего доброго, заявила Марина.

— Ещё чего! — тут же вскинулась Останина. — Не будем уподобляться ей, чтобы не думала, что имеет какую-то власть.

— Будешь играть в её игры?

— В её игры — это просить прощения и умолять о пощаде, чего я делать точно не собираюсь. А вот сохранять чувство собственного достоинства и обойтись без их внимания — мой собственный выбор, — отчеканила Полина, отбрасывая за спину мешающую прядь волос.

— Тоже верно, — согласилась Марина, тотчас раскинув в голове все «за» и «против». — Ну тогда знай: мы на твоей стороне и ни с кем из этих предателей тоже общаться не будем. Правда, Оля?

Та кивнула и протянула руку для того, чтобы они сложили ладони одну на другую в знак вечной дружбы, как обычно и делали.

— Я с вами, девочки.

— А ещё с нами Вовка, — хитро прищурившись, усмехнулась Марина.

— Что? — в один голос переспросили подруги.

— Ну, Вовка Красников. Вы же видели, он тоже пошёл против системы, ответил на вопрос Грымзы, так что Фомина, наверное, и на него взъелась. Надо его поддержать, а то он совсем один — и так ни с кем не общается.

— Так он и не заметит особой разницы, — засмеялась Оля, и на лице Полины появилась слабая улыбка.

Нет, не будет как в школе. Тогда она была совершенно одна — прямо как Вова, а сейчас с ней девчонки — с такой командой не пропадёшь. И, подумав об этом, обернулась взглянуть на Красникова, которого ей стало немного жаль. Она тоже не особо общалась с ним и даже, сказать по правде, не выделяла среди других. Он был как будто бы сам по себе — независимый и незаметный, жил своей тихой жизнью, не блистал выдающимися успехами в учебе, но и

на пересдачу не попадал. Сегодня пришёл в сером свитере и черных джинсах, волосы чуть небрежно откинuty в сторону — они у него отросшие, но опрятные, не то что бывает у парней — давно немытыми сосульками во все стороны.

Красников, словно почувствовав, что его рассматривают, поднял взгляд и посмотрел прямо на Полину.

«Не бывает же так», — подумала она, всегда считавшая, что выражение о том, что человек ощущает, кто на него смотрит — всего лишь красивая выдумка.

А Вова посмотрел и неожиданно... улыбнулся. Ей улыбнулся.

Она тут же отвела глаза, отвернувшись и сделала вид, что ей срочно нужно открыть тетрадь и что-то там прочитать, хотя строчки в глазах расплывались. Хорошо, что девчонки не видели.

В аудиторию стремительным шагом вошёл преподаватель, и лекция вроде бы пошла своим чередом, но мысли в голове у Полины скакали от объявленного ей бойкота до улыбки Красникова, который и впрямь, похоже, не собирался быть против неё, как все.

«Интересно, а Даня? — подумала она. — Неужели тоже не будет общаться?»

От этого сердце болезненно сжалось.

Ладно все остальные ребята, но если против тебя тот, кто так сильно нравится, — это невыносимо. Оставшееся время до конца пары она обдумывала, как бы проверить это. Подходить и снова просить что-то из канцелярских товаров — глупо. Прямо задать вопрос — вообще невозможно. Она и до этого не слишком тесно общалась с ним, всё больше в компании, и, кажется, никогда — с глазу на глаз. Оставалось лишь наблюдать.

Впереди была третья пара, но на неё парень не пришел. Фомина на правах старосты сказала, что его забрал профком репетировать что-то к концу учебного года. С Даней такое случалось нередко, что возмущало ряд педагогов, считавших, что никакая иная деятельность не может быть важнее учебы.

Полине очень хотелось понять, на чьей стороне в этой ситуации Даня: неужели тоже будет её игнорировать? Только от мысли об этом на душе становилось горько. Но как проверить? Не напишешь же ему сообщение с прямым вопросом.

Судьба оказалась к ней милосердна, не дав долго мучаться, ибо уже следующим утром, заходя в аудиторию, прямо у дверей девушка столкнулась с тем, к кому была равнодушна, и прежде, чем успела испугаться и передумать, выпалила:

— Привет!

Он бросил в ответ: «Привет», — но даже не повернул головы в её сторону и прошёл мимо — мимо Полины и мимо входа в аудиторию, где должна была скоро начаться пара.

«Ну и как это расценивать?» — подумала девушка. С одной стороны, не промолчал, но с другой — может быть, даже не видел, кому отвечает? Разве так ведут себя с девушкой, если она симпатична?

«Как будто у тебя оставались ещё какие-то сомнения насчёт того, симпатична ты ему или нет», — с ехидной жестокостью подсказал внутренний голос.

И от этого внутри было как-то обидно и холодно. Да, Даня не виноват в том, что она в него так влюбилась, а он не ответил взаимностью. Да и в него ли или в придуманный образ, наложенный на готовый шаблон с именем, фамилией и милой внешностью? Полина всё это понимала, конечно, вот только понять и принять, а ещё лучше — отпустить — совершенно разные вещи. И если с первым всё было проще, то просто так махнуть рукой и жить дальше прекрасной жизнью, как наверняка бы, по её мнению, сделала Аня Фомина, у Полины не получалось.

Задумчивая и притихшая, она присоединилась к беседе подруг, но не слишком активно участвовала в ней. Те списали её молчаливость как реакцию на негативные проявления со стороны одноклассников и давящую обстановку, пытались развеселить, но вскоре смирились с

тем, что всему нужно время, озвучив ещё раз мысль о том, что они уж точно от неё не отступят, что бы там ни было. Полина была им безмерно благодарна за это.

Даня влетел на пару после звонка, успев опередить пожилого преподавателя, а после, едва народ собрался разбрестись кто куда, воспользовавшись короткой передышкой в виде перемены, активно замахал руками, выскочив на середину аудитории, и призвал всех задержаться на полминутки.

— Народ, наша кафедра празднует юбилей, мы готовим концерт, и нужен номер от каждой группы. Я предложил сделать танец, но мне нужны несколько человек, чтобы были три пары. Кто готов? Два парня и три девчонки.

Однокурсники весьма осторожно восприняли эту новость, желающих разделить энтузиазм Величкова оказалось немного. Первой подняла руку Аня, что было неудивительно, поскольку она когда-то тоже занималась хореографией. Второй оказалась Таня. И, секунду колебавшись, Полина тоже подняла руку.

Прежде, чем успела ответить на изумленные взгляды подруг, она услышала Данин голос:

— Отлично, девчонки, спасибо! Не расходитесь, я сейчас всё расскажу. Так, ну а парни? Вить, давай.

— Ещё чего, делать мне нечего.

— Ребят, ну поддержите, а? Будет несложно, я обещаю. Куратор пообещала нам выхлопотать автоматы по зачёту у Коростелёва, ну?

Предмет, который преподавал Коростелёв, был несложный, но перспектива учить на пару десятков вопросов меньше сыграла Дане на пользу, и вскоре два добровольца нашлись.

— Супер! Идите сюда, сейчас всё объясню.

Полину дважды уговаривать не пришлось — оказаться поближе к Дане было её постоянным желанием.

— Я сейчас создам группу в телеграмме, добавлю вас туда, вы мне номера свои вбейте. Там будет вся информация. Первая репетиция сегодня в семнадцать часов.

— Мы так не договаривались, я думал, будем, как ты, ходить вместо пар, — возмутился Илья, которого Даня смог уговорить на свою авантюру.

— Может, и будет вместо пар, но не сегодня, — отмахнулся от него инициатор, уже активно щёлкая пальцами по экрану мобильного. — В актовом зале, это ненадолго, только не опаздывайте.

Разумеется, Полина не только не опоздала, но и пришла на полчаса раньше: пары закончились в час, она успела съездить домой, чтобы покушать и переодеться, а оставшееся время просто бродила в сквере рядом с институтом, чтобы скоротать время. Вот только до всего этого было ещё объяснение с подругами, которые ждали её с неподдельным интересом и сразу набросились с вопросами:

— Ну и что это было? Ладно б он петь позвал, но танцевать... Ты умеешь?

— Научусь, — легкомысленно отмахнулась Полина.

Мыслей о том, что ей объявили бойкот, уже не было — главное, что теперь у них с Даней будет общее дело, они будут чаще встречаться в неформальной обстановке, а там он, глядишь, и заметит её, разглядит, позовёт выпить кофе... А если они будут танцевать вместе...

— Ну понятно, — глубокомысленно хмыкнула Марина, и это не только вырвало Полину из плена грёз, но и задело.

— Что тебе понятно?

Подруга, чтобы не создавать шума, наклонилась поближе и прошептала ей на ухо:

— Что кто-то влюблён по самые уши. Да ладно, не красней так, мы тебя понимаем — вполне неплохой вариант. Симпатичный, активный.

— Тихо ты, — зашипела на неё Полина, и впрямь смущаясь и краснея.

— Смелее, подруга. Мужчинам не серые мышки нравятся, а королевы.

«Королевы... — подумала Полина. — Только как же ей стать? Королевой, наверное, нужно родиться».

И всё же она постаралась сделать из себя «королеву»: пока была дома, подкрасилась ярче, надела лучшее платье, красиво облегающее её стройную, в общем-то, фигурку, распустила волосы, лишь закрепив их жемчужным ободком. Визуально оценила свой образ и улыбнулась. Всё хорошо, ещё бы уверенности немного. Расправила плечи, потренировала независимый вид и лёгкую улыбку — получалось немного жеманно и неестественно.

Всю дорогу она волновалась. Думала, как зайдёт, что скажет, как будет чувствовать себя рядом с Даней, сможет ли наконец привлечь его внимание. А ещё там будет Аня, которая на дух её не переносит, и это омрачало картину. Вдруг сейчас она придёт, и все вспомнят, что с ней, с Полиной, вообще-то, теперь не общаются, и Даня мягко, но вежливо скажет ей: «Извини, но мы справимся без тебя. Найдём замену».

Однако страхи не оправдались, и когда Полина вошла в актовый зал за десять минут до назначенной встречи (не могла утерпеть больше, гуляя по скверу), там из однокурсников был только Илья, а Даня выстраивал на сцене других, незнакомых ребят — видимо, на нём лежала режиссура всего праздника. Внимание он обратил на них только позже, когда подтянулись и остальные, за исключением Ани. Полина даже вздохнула было с облегчением (может, и не придёт?), но не тут-то было.

— Собрались? Отлично. Так, а кого нет? — крикнул Даня со сцены, складывая ладони над глазами, словно так мог лучше разглядеть присутствующих в зале. — Ани? Ну ладно, поднимайтесь пока сюда. У нас с вами будет микс: начнём с медленного вальса, а потом переходим на быстрый темп. Илья, ты сюда. Вот, давайте вы с Полиной вместе начнёте, хорошо смотрите. Так, вы сюда, — взялся он за вторую пару и, отойдя на пару шагов назад, придирчиво осмотрел получившиеся пары.

Тут как раз дверь открылась и появилась Фомина. Даня активно замахал ей руками.

— Привет! Иди сюда, а то я как раз без пары остался. Сейчас включим музыку, я по ходу объяснять буду.

Энтузиазма на лице ребят видно не было, особенно когда стало понятно, что далеко не все так быстро осваиваются в танцах, как Даня, но «главный зачинщик» не нервничал, объяснял спокойно снова и снова. А вот Полина как раз волновалась и из-за этого много косячила. Илья уже косился на нее с подозрением, наверняка раздумывая, не отказаться ли от такой неуклюжей партнерши, когда Даня, заметив их мучения, подоспел на помощь.

К этому моменту Полина почти отчаялась. Она с горечью думала, зачем вообще во всё это ввязалась, если танцы — не её стихия, ничего у неё не получается, да ещё и танцует она не с Даней. Но тут и на её лице наступил праздник.

— Стойте! Смотри, Полин, ты не с той ноги начинаешь — это во-первых. Во-вторых, нужно быть ближе к партнеру, вот так, — с этими словами он мягко, но уверенно притянул её к себе так, что расстояния между ними почти не осталось.

Полина знала, пыталась, во всяком случае, себе внушить, что это ничего не значит для парня — всего лишь профессиональная необходимость, — но даже дышать перестала в этот момент. Только ради этих мгновений и стоило бы на такое решиться! Она знала, что будет потом прокручивать в голове этот миг сотни раз, ругать себя, что была чрезмерно зажатой, что не могла и взглянуть на него, безвольно кивая головой как тряпичная кукла, делая вид, что понимает и запоминает всё то, что он говорит, но на самом-то деле голова совершенно отказывалась работать. Он был так близко, от него веяло уверенностью и немного пахло чем-то приятным, похожим на запах орехов в лесу — только это и было в её голове.

— Вот так, — сказал Даня, отпуская её, и Полине на секунду показалось, что она сейчас упадёт, оставшись без опоры. Илья держал по-другому, а Величков в танцах был профессионалом, и это чувствовалось сразу. — Попробуйте теперь сами, я посмотрю.

Судя по его протяжному: «Ну-у-у, неплохо, пойдёт, ещё потренируетесь», — получалось по-прежнему не слишком красиво, однако дипломатия в «тренере» победила, и он переключился на другие пары, оставив Илью и Полину в покое.

У самого Дани с Аней отлично всё получалось. Он уверенно вёл, она тоже будто порхала над полом, но уж, во всяком случае, ощущала себя куда увереннее, чем все остальные дилетанты.

Полина смотрела на Аню и Даню и тихо завидовала. И тому, как здорово у них получается, и что сейчас Фомина, а не она, находится в этих объятиях. И ещё мелькнула мысль: «Ну вот, нашепчет ему теперь, чтобы не смел общаться со мной. Да и сам он увидел, что я танцую не очень, так что большой потери не будет — точно откажутся от моего участия. Ну и пусть!»

Полина не знала и не догадывалась, что мысли про бойкот в Аниной голове уже ушли на задворки. У неё созрел новый план — и он был гораздо страшнее прежнего.

Аня

Тренировка с Величковым оказалась неожиданно приятным занятием. Аня невольно переключилась на физические движения и, вспомнив, чему училась несколько лет в танцевальном кружке при Дворце пионеров, поняла, что эти навыки ей, кажется, впервые в жизни по-настоящему пригодились. Прозанимавшись два с половиной года, занятия она благополучно забросила, потому что с дисциплиной никогда не дружила и ходить на танцы три раза в неделю, терпеть мучительные растяжки и окрики преподавателя ей совершенно не нравилось. Бабушка после переезда родителей за границу не могла справиться с буйным девичьим характером. Узнав от преподавателя, что её внучка не появляется на уроках уже несколько недель, сперва пыталась воздействовать уговорами, после — угрозами, но, поскольку ни то, ни другое эффекта не возымело, сдалась и ослабила эти поводы. Аня была только рада. С послушанием у неё всегда были проблемы, а после этого случая, убедившись, что её, а не бабушкино слово, в доме решающее, и вовсе стала переходить границы дозволенного. Могла послушаться, накричать, всегда поступала по-своему, и вообще, считала, что, если бы не бабушка — родители бы забрали её за границу с собой, у них бы просто не было выбора, а так она при живых маме и папе фактически осталась сиротой. Они приезжали раз в год, всего однажды за многие годы взяли её с собой летом на месяц в Турцию, где Ане не очень понравилось — всё было чужое и непривычное, разве что море манило и радовало, но ради того, чтобы быть с родителями, она готова была терпеть... Её не спросили, хочет ли она оставаться — отправили обратно к бабушке, а о том, что родители у неё всё же есть, напоминали звонки раз в два-три дня.

Больше всего Аня боялась, что у них там, в другой стране, появится новый ребёнок — и тогда о ней мама с папой забудут совсем. Но этого не случилось. Как не случилось и переезда в Турцию по завершении школы, о котором Аня так долго мечтала, а оказалось, что «нужно закончить в России институт, чтобы было образование, а ещё лучше — выучить турецкий язык, чтобы было проще с работой».

Прошлым летом Аня ужасно злилась, прекратила на месяц общение с теми, по кому так скучала, и даже думала назло им не поступать никуда, но потом поразмыслила и решила: навредит этим только себе. Вот выучится и решит, кем ей быть и с кем жить. В Турцию уже не очень хотелось. Никогда не хотелось, если честно. А раз за все эти годы родители так её и не забрали, значит, не очень она и нужна им. И ладно. Обойдётся и дальше.

Специальность выбрала сама — госуправление. Родители учебу исправно оплачивали. Общение возобновилось, но сухое и официальное. Обида стала сильнее любви, а детские розовые очки неожиданно слетели, и Аня поняла: родители не забирали её столько лет не потому, что не могли, как всегда говорили, а просто потому, что им так было удобно — жить без неё. Она приняла это, но простить до конца не смогла. И всё же что-то хорошее в таком взрослении было: она научилась самостоятельности. Легко и уверенно принимала решения. Сама задавала себе вопросы и отвечала на них: чего хочет, что нравится. Научилась анализировать и самой себе быть поддержкой и опорой — на кого ещё ей было полагаться? Родители всю её сознательную жизнь были далеко, тесный контакт с бабушкой она отвергла сама, считая её виноватой в своих неудачах. Да и бабушка, выйдя на пенсию, не была типичной старушкой — у неё были встречи в кружках для людей золотого возраста, танцы по выходным в местном парке, волосы она всегда красила в ярко-рыжий цвет, а ногти обязательно красным. Аня даже стыдилась немного такой её яркости, поэтому в обществе с бабушкой никогда не появлялась, разве что на выпускном в школе в прошлом году, и то чувствовала себя неуютно: ко всем пришли мамы и папы, были семейные фото, объятия, а у неё только бабушка, и та «фрик». Аня её сторонилась и поскорее отправила домой.

Так вот, те танцы, что ей не нравились, остались в прошлом, зато год назад появилась бачата — Аня сама захотела, родители оплатили. Это было больше любительским хобби, и всё же давало ощущение женственности, грации, плавности. И пригodiлось. Весьма удачно и вовремя.

Аня видела, как смотрела на их с Даней танец Полина, и в душе возрастало удовлетворение: вот оно, вот оно! «Словно голодная кошка», — мелькнуло в голове. И когда Даня объявил, что тренировка закончена, словно невзначай легко коснулась его руки, привлекая внимание. Тот машинально обернулся, и в глазах читалась растерянность.

Аня умела очаровывать мужчин. Нужно чуть заметно провести рукой по кончикам волос, улыбнуться, смотреть из-под ресниц, чуть опустив голову — так глаза кажутся ярче и больше, приковывая внимание, и добавить капельку восторга и смущения. Ей не пришлось специально учиться — классе в седьмом она, поступая так непроизвольно, заметила, что мальчишки сходят с ума и готовы хоть рюкзак донести до дома, хоть подраться с её соседом по парте, если он посмеет обидеть. Пока другие девчонки на школьных вечерах вроде осеннего бала или новогоднего карнавала стояли одиноко в сторонке, смущаясь или делая вид, что им нет дела до этих парней, Аню всегда в числе первых приглашали на танцы и, в общем-то, с ребятами её общение складывалось куда лучше, чем с девчонками, а потому подружками она не разжилась, что не слишком её тяготило — с детства привыкла доверять только себе, и все эти беседы про новое платье, заграничных актёров и модный маникюр её совсем не прельщали.

— Ты классно танцуешь, спасибо! — улыбнулась она Дане, который тут же расплылся в ответной улыбке.

— Ты тоже очень здорово. Занималась?

— Немного, — кокетливо пожала она плечами. — Правда, давно, ещё в детстве. А сейчас хожу на бачату, но так, в своё удовольствие, и в основном там одни девчонки, парные танцы мы почти что не практикуем.

— Твоя подготовка сразу чувствуется.

— А что с остальными будем делать? Полина ж совсем не умеет двигаться, как деревянная. Не знаю, зачем она вызвалась... — не смогла сдержаться от колкого комментария.

Оба тут же перевели взгляд на Полину, которая копалась зачем-то в сумке, остановившись в зале у второго зрительского ряда и, подняв на них глаза, тотчас покраснела и отвернулась, что ещё раз подтверждало догадку Ани — всё дело в их однокурснике.

— Ну, посмотрим, может, не всё так плохо. Нужно ещё потренироваться, — дипломатично ответил парень.

— А что у тебя ещё в планах? Это ведь ты ставишь программу на день рождения кафедр?

— Да, я ставлю, — по его широкой улыбке и горящему взгляду стало понятно, что говорить об этом ему приятно, и он бы мог вещать бесконечно, но Аня не дала ему даже начать.

— Можем как-нибудь кофе выпить, расскажешь.

— Да, давай.

— Ну, пока?

Уходить нужно вовремя, чтобы у мужчины осталось приятное послевкусие и лёгкое чувство голода. Как будто дали понюхать десерт, а откусить не позволили.

— А можем сейчас, если ты не спешишь, — крикнул он вдогонку, когда девушка уже успела пройти пару шагов в сторону выхода.

Она триумфально улыбнулась, довольная собой, но повернулась совсем с другим выражением — удивления и лёгкого кокетливого смущения.

— Ну, давай... — протянула как будто бы нерешительно. — Только если недолго.

— Сейчас я сумку возьму.

Он быстро попрощался с ребятами, дал ещё пару наставлений, кому и что повторить, что доделать, и после этого едва не вприпрыжку подбежал к ней, всем своим видом выражая готовность следовать за Аней куда угодно.

«Да я ему нравлюсь», — мелькнуло в её голове, и это девушку умилило, не больше. Нравиться другим всегда очень приятно, вот только Даня ей нужен был для другой цели. И это цель сейчас стояла у входа в институт, словно ожидая кого-то — и дождалась. Аня с Даней прошептали мимо, словно не замечая Полину, хотя, конечно, краем глаза Фомина отследила её реакцию и мысленно усмехнулась. Какой там бойкот — вот что греет душу по-настоящему. Вот что ранит больше игнора, когда у тебя влюблённое сердце.

Если бы Аня знала, что через полчаса ей будет так же больно, вряд ли улыбалась бы столь широко. Но пока был момент её триумфа — так она думала, совершенно забыв и о первоначальной причине конфликта с Полиной, и о том, зачем ей делать кому-то больно, упиваясь этим чувством победы — весьма эфемерной, как оказалось.

Полина

Словно тысячи иголок одновременно вонзились в сердце: Даня вышел из института с Аней едва не под ручку. Улыбался и оживлённо что-то рассказывал. И с каких пор у них появились общие темы?

Полина видела, как равнодушным и чуть колким взглядом скользнула по её фигуре Фомина, словно и не человека увидела, а опостылевшую телефонную будку, которой никто не пользовался, и она лишь портила своим обшарпанным видом общий лик города. Почему-то именно это сравнение пришло в голову девушке как картинка из детства: мимо такой будки она ходила из детского сада, потом из начальной школы — пока её не убрали. Мальчишки пинали ногами дверь, рекламщики обклеивали объявлениями, трубку с телефона давно отодрали, а маленькая сторожка всё ещё держалась — не нужная никому, с отлетевшей местами краской, с появившейся на крыше травой, и все как будто обрадовались, когда её наконец демонтировали. Лишь Полине почему-то стало её очень жаль... Отслужив свой век верой и правдой, она осталась сиротой, над которой предпочитали издеваться. И в какой-то момент своей жизни девушка ощущала себя такой же — лишней в этом мире, годной разве что для смешков и самоутверждения за её счет других. Ей казалось, что это чувство осталось в школе — там, за спиной. Но в эту минуту, после неудавшихся танцев с Даней, который вышел из вуза вместе с другой, куда более успешной и яркой, в душе вновь проснулось то самое чувство отверженности и никому ненужности.

Она украдкой утёрла слезинку, ощутив её на щеке, и отвернулась. Нужно собраться с силами и взять себя в руки, прежде чем «выйдет в люди» и отправится на остановку. К счастью, никому из студентов не было до неё дела. То есть, почти никому...

— Ты что, ревёшь? — услышала она над ухом и вздрогнула, оборачиваясь.

Рядом стоял Вова Красников, возвышаясь над ней на полголовы, и смотрел не то удивлённо, не то непонимающе, но точно без жалости и осуждения.

И всё же Полине совершенно не хотелось ни с кем делиться своими чувствами.

— Не реву, — решительно и даже чуть агрессивно ответила она, вновь отворачиваясь и незаметно делая выдох, чтобы скорее прийти в себя.

Появление свидетеля её уязвленных чувств подтолкнуло к тому, чтобы собраться быстрее и тотчас перестать себя жалеть.

— А то я не вижу. Пиццу хочешь?

Теперь удивление мелькнуло во взгляде Полины.

Он говорил так просто, не пытался докопаться, с чего это она вдруг расчувствовалась, и неожиданно предложил ей свою компанию, которая, так — не так, а могла бы разрушить проклятое чувство отверженности и одиночества с мужской стороны хотя бы на какое-то время, пусть даже на час.

Девушка шмыгнула носом и не ответила, не зная, на что решиться.

— Пойдём, покормлю тебя, — решил за неё Вова и протянул руку. — Пицца всегда выручает.

Его жест она проигнорировала, но всё же пошла рядом, чувствуя подкатившее чувство голода. С утра ведь не ела ничего, да и на завтрак был только крохотный бутерброд.

Он ни о чём не спрашивал. Сам говорил на разные темы, но Полина никак не могла отвлечься. Всё думала, что сейчас делает Даня. Пошёл ли провожать Фомина? А может, они тоже где-то в кафе, смеются, пьют кофе, и она кокетливо поправляет прядь волос, глядя на него из-под ресниц игривым взглядом, а он рассказывает о своих планах, о жизни... И почему её мечта досталась другой? Да ещё и самой ужасной девчонке на курсе...

— Нам сюда, — ворвался в её мысли Красников, галантно распахивая дверь непримечательного с виду кафе.

Внутри оказалось довольно просто, но пахло вкусно. Они повернули налево, заняли столик у окна, и, только усевшись в мягкое кресло, Полина увидела, что в другом конце зала сидят... Аня и Даня. Причем лицом к ней именно Аня, которая тоже заметила их и мгновенно помрачнела — настолько, что, если бы могла испепелять взглядом, от Полины давно не осталось бы даже золы.

Неужели настолько её ненавидит, что простое присутствие в одном и том же месте так злит? Полина закусила губу и отвела взгляд, поёрзала на месте, чем тут же привлекла внимание Вовы.

— Всё в порядке?

— Не очень. Там Фомина и Величков, — стараясь даже не размыкать губ, чтобы Аня не догадалась, что речь о ней, прошептала чуть слышно.

Вова без зазрения совести обернулся — но лишь на мгновение, а потом вернул всё внимание своей спутнице.

— Тебя смущает, что они тут? Хочешь, уйдём.

— Не знаю. Ладно, давай останемся.

— Это правильно. Потому что тут самая вкусная пицца, — довольно улыбнулся он, раскрывая меню. — Ты с чем любишь?

Полина хотела сказать «мне всё равно», но в последний момент передумала — сочла, что это будет слишком грубо по отношению к однокласснику, который поддержал её в сложный момент и пожертвовал собственным временем, чтобы поднять ей настроение.

Постаравшись собраться с силами, улыбнулась.

— Люблю с сыром. И ветчиной.

— О, вот и с сыром, и с ветчиной, — ткнул он пальцем в картонку. — Берём? Средней хватит? Или большую?

— Думаю, хватит.

— А пить что будешь?

— Смужи. С киви, — назвала первое, что попало на глаза.

— А я, пожалуй, возьму кофе. Хоть это и вредно.

— Смотря в каких дозах.

— Согласен.

Вова вновь перевёл взгляд на девушку, и от него не укрылось, что она по-прежнему держится. Он скрестил пальцы обеих рук между собой и внимательно взглянул на неё.

— Полин, я серьёзно, если тебе здесь не нравится, давай уйдём?

Она была благодарна ему за сочувствие, проявленное уже во второй раз за день и, потупив взгляд, произнесла:

— Я тебе расскажу кое-что, но только пообещай, что это останется между нами.

— Ладно.

— Володь, я серьёзно. Если кто-то узнает, мне придётся отчислиться или сгореть со стыда.

Он улыбнулся.

— Ты чего? — взметнула она ресницами, поражённая неожиданной реакцией.

— Меня Володей только мама называла. Ладно, рассказывай. Я могила, честное слово. Зачем мне трепаться об этом кому-то?

И она рассказала. Сначала смущаясь, а после отрывисто и чётко, словно прыгнув в холодную воду. Что вызвалась танцевать, но не получается. Что Аня затмила всех. Что она сама чувствовала себя настоящим поленом, а теперь они сидят здесь живым напоминанием о её позоре.

— А зачем вызвалась-то, раз не умеешь? — логично прозвучал встречный вопрос.

Вова спросил по существу, но стало обидно. Потому что попал в самую цель. И, главное, теперь не скроешь истинную причину. Раз сказал «а», говори и «б».

— Из-за Дани, — пряча глаза, призналась она.

Он понял не сразу, а потом присвистнул и вздохнул.

— Ну, я бы помог, но не знаю, чем. Танцевать не умею, с Величковым не особо общаюсь. Но вроде он парень неплохой, конечно, хотя не знаю...

— Да ладно, я ведь так рассказала, чтоб ты не думал, что я сумасшедшая, которая просто так избегает своих однокурсников.

— Ну, меня не избегаешь, и на том спасибо, — пошутил Вова, подмигивая.

— И за то, что поддержал меня во время объявленного Аней бойкота тоже спасибо, — серьёзно добавила она.

— Да не парься, все об этом уже забыли. Детский сад какой-то, заняться больше как будто нечем.

— А расскажи о себе, — сменила тему Полина, не желая ещё больше углубляться в собственные раны: безответную любовь, очередное противостояние обществу...

— Что?

— Что хочешь, — пожала плечами.

— Ну, раз уж у нас получается такой откровенный разговор... — он взглянул вверх и вздохнул, переместив руки на колени и словно собираясь с силами. — Ты вот мне сегодня напомнила маму: она одна называла меня Володей... Мамы не стало двенадцать лет назад.

Полина беззвучно ойкнула и прикрыла ладонью рот. Меньше всего ей хотелось ранить того, кто сумел её поддержать. Все её горести тут же показались столь незначительными.

— Я не знала, прости.

— При чём тут ты? Мало кто знает, на самом деле.

— А что случилось?

— Авария. Её сбил пьяный водитель, днём, на пешеходном переходе. Его вину доказали, вот только маму уже не вернуть.

— А папа? — осторожно спросила Полина, чувствуя, что ступает на хрупкий лёд.

— С папой всё хорошо, мы живём вместе. Пока живём вместе, — тут же исправился парень. — Он женился семь лет назад, с Наташей — это мачеха, я по имени её привык звать — у нас терпимые отношения. Она не претендует на то, чтобы заменить мать, не лезет с советами по воспитанию, уважает мои границы, вкусно готовит. В общем-то, отец счастлив, и я не против её присутствия в нашей жизни.

Как-то сам собой, за пиццей и негромкой фоновой музыкой в кафе их разговор плавно перетекал из одной важной темы к другой — тех, что редко рассказывают людям малознакомым, разве только случайным попутчикам, которых вряд ли снова когда-то увидишь. Но к этой категории ни Полина, ни Вова отнести себя не могли — им предстояло учиться вместе ещё целых четыре года. Так казалось Полине, пока она не узнала ещё кое-что.

Парень поделился, что на поступлении в вуз настоял отец. Вова решил, что после первого курса переведётся на информационную безопасность. А ещё подрабатывает с самых первых дней учебы, потому что отец заявил: «Пока ты живешь в моём доме, будь добр подчиняться».

Полина в ответ призналась, что отреагировала на объявление бойкота так остро потому, что уже переживала это состояние в школе, которую с тех пор терпеть не могла. Было это в девятом классе. Она не захотела сбежать со всеми с урока литературы, и хоть не выдала, кто был зачинщиком, её обвинили в предательстве, назвали «стукачкой» и всячески портили жизнь целый год: то подбрасывали записки с угрозами и жестокими оскорблениями, то ремень сумки изуродовали — много чего неприятного было. А поскольку жаловаться и навлекать на себя ещё больший гнев не хотелось, она плакала в одиночестве дома или в школьном туалете на перемене, но терпела. Терпела и знала, что лучшие дни ещё придут. За лето всё как-то

забылось, её перестали гнобить, но в душе всё равно было муторно, и общаться с обидчиками уже не хотелось.

— А я не любил литературу. И вообще, читал мало. В школе только «Грозу» осилил, и то поспорил с учителем, что Катерина никакой не луч света, а дура набитая, за что поставили «двойку» и выгнали с урока. А ещё говорят, в стране демократия, — с преувеличенным драматизмом заявил Вова, и Полина от души рассмеялась.

Она видела, как вышли из кафе их однокурсники, и почувствовала облегчение. Она втянулась в беседу и была несказанно благодарна Володе за то, что вместо слёз в одиночестве у неё сейчас смех в пиццерии с тем, кто ничего не требует, с кем не надо притворяться, и кто, оказывается, обладает весьма хорошим чувством юмора и такта.

— А я в школе одевалась как серая мышь, но хотела быть в тусовке. А меня не принимали. Однажды подружка пришла в нежно-розовой шапке, и я заканючила: «Мам, хочу такую же». А она говорит: «У тебя же нормальная шапка, тёплая, не выдумывай». С тех пор я решила, что хочу зарабатывать на нормальную жизнь, чтобы, если что-то хочу — могла купить себе, а не выпрашивать. Хотя шапку мне всё же купили, и я в ней пришла в школу, она мне так нравилась. Но, думаешь, что-то после этого изменилось? Так я поняла, что дело не в шапке — есть что-то ещё. Только думала, что с этим надо родиться. Не знаю. Всё это так сложно.

— А зачем обязательно нравиться всем, какой-то тусовке? Просто нужно найти своих, вот и всё.

— Всё-то у вас, парней, просто, — хмыкнула Полина.

Он пожал плечами.

— А что сложного? Я захотел перевестись на другой факультет, значит, мне нужно разобраться, какие шаги необходимо пройти до этой цели и постепенно идти. Ты хочешь попасть в тусовку — нужно понять, как стать такими же, как они, хотя, на мой взгляд, это полнейшая глупость, ты уж прости.

— Я уже не хочу. Вон, видишь, тусовка снова меня отвергла, — с горечью усмехнулась Полина, имея в виду покинувших кафе Даню и Аню.

— И ладно. У тебя есть подруги. Тебя уважают преподаватели. У тебя есть любящая семья. Разве этого мало?

— Достаточно, — ответила девушка дипломатично.

— Вот видишь, — развёл он руками.

— Ты прямо прирожденный психолог — всё разложил.

— Обращайся, — милостиво разрешил Вова.

— И пицца вкусная, кстати. Спасибо.

— Легче стало?

— Ага.

— Я ж говорил. Я так тоже лечусь.

Они посмеялись. Попросили счет. Володя не дал ей оплатить, решительно отодвинув рукой её карту. Вышли вместе в прохладный весенний вечер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.